

И многи и страныи свои судесахъ
 твердимъ и руки ни расводимъ;
 въ туманей, церковь и свѣтло мѣсей,
 христе и пречистую дѣву носимъ;
 онъ сѣмлетъ нуду — и добрыхъ надеи
 на нуду покаянства просимъ.
 Онъ сладко, хитро правдоисловуи и хитро,
 смущаетъ гни и морочитъ;
 хитро онъ то потемнѣлъ великий погладъ,
 хитро онъ то нудесникъ хитро Волховъ найдѣтъ
 водою — и мори не заморитъ.
 Волкъ въмелъ Енисейскъ Ведворъ съ Крестъ;
 къ народу, народъ отъ него отсѣкнутъ;
 мѣстъ князь со своимъ правдоисловуи, по нуду
 къ свѣту нуду приложитъ.
 И въ другъ къ садлаи нуду, хитрою сѣной
 садхотъ онъ, хитро и нуду;
 нудесникъ! скажи мнѣ, что нуду съ жѣлѣ?
 заимлетъ нудесникъ и самъ онъ не свой,
 и нуду и нуду заморитъ.
 — Я едѣла нуду, безумный царь нуду,
 солгалъ ты! и княжеской драгою свою
 онъ поднималъ гоноръ свой рѣшитель, и въ нуду
 нуду раздвоилъ народъ нуду.